

ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП
ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

2020-2021 УЧ. ГОД

5-6 КЛАСС

Время выполнения работы – два астрономических часа (120 минут).

Внимательно прочитайте задания. Распределите время, чтобы успеть выполнить оба задания.

ЗАДАНИЕ 1.

Что такое комическое (смешное)? Чем отличаются юмор и сатира?

Напишите небольшой «смешной» рассказ из жизни класса. Это юмористический или сатирический рассказ – объясните свою позицию.

Максимальное количество баллов – 20 баллов.

ЗАДАНИЕ 2.

Назовите писателей-юмористов в русской и мировой литературе (можно в современной литературе, детской и подростковой литературе, в классической литературе и пр.) и их произведения. Коротко охарактеризуйте, над чем они смеются.

Максимальное количество баллов – 20 баллов.

ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ

ПО ЛИТЕРАТУРЕ

2020-2021 УЧ. ГОД

7-8 КЛАСС

Время выполнения работы – три астрономических часа (180 минут).

Внимательно прочитайте задания. Распределите время, чтобы успеть выполнить оба задания.

ЗАДАНИЕ 1. Прочитайте рассказ Александра Ралота «Приключения шариковой ручки»

Напишите целостный анализ этого рассказа, отвечая при этом на вопросы (можно отвечать на вопросы в любом порядке):

- 1. Какую роль играет предметная деталь в рассказе?**
- 2. Как связаны вещи, прошлое и память?**
- 3. Почему историю рассказывает бабушка внуку? Чем важна эта история для обоих?**

У внука Тимохи (прошу прощения — Тимофея Александровича!) созерцание зелёного буйства за окном и невозможность выскочить из опостылевшей квартиры, домчаться до детской площадки, облазить, отпрыгать и обегать её вдоль и поперёк (Коронавирус! Будь неладен! Полная самоизоляция, до особого распоряжения!) вызвала внезапный приступ любви к домашнему заданию. Проявился он в том, что человек (одиннадцати лет отроду) без усилия спрыгнул с подоконника и бросился к секретеру. Вытащил двухцветную шариковую ручку, погрыз колпачок и, уставившись на мою незаконченную рукопись, молвил.

— Везёт же писателям. На компьютере имеют право тексты набирать, а наш учитель требует, чтобы только ручкой, потом надо сфотографировать и ей на Вотсап направить, - тяжело вздохнул. — Удалёнка...

— И что ты должен написать? Сочинение?

— Без разницы. Свободная тема. — Почерк вырабатывать надо. А зачем? Всё равно, через несколько лет эти штуки, - Тимофей ткнул пальцем в авторучку, — исчезнут. За ненадобностью. Все будут в смартфонах или компах писать. Или появится голосовой ввод. Болтай сколько влезет, программа сама всё в текст преобразует. И знаки препинания, согласно правилам русского языка, расставит.

— Тимофей Александрович, а изложение написать слабо?

— Запросто! Только что излагать?

— Одну историю. Я её сейчас поведаю. А ты слушай и мотай на усы. Или на то место, где они, лет этак через пять, появятся.

— Пожалуй, начну с того, что первоклашки первой половины шестидесятых годов прошлого столетия носили в школу чернилки - непроливайки.

— Что-то я об этих предметах слышал. Кажется, в старинном фильме ... экспериментировали. Действительно они непроливаемые или нет, - перебил потомок.

— С твоего разрешения я продолжу. Топаешь в школу. В одной руке портфель, а в другой «чернилка».

— Дед, а разве ранцев тогда ещё не изобрели?

— Изобрели, конечно. Но мы их принципиально не носили. Игнорировали. Дело в том, что отцы вернувшиеся с войны рассказывали: с ранцами ходили немецкие солдаты. ...

— Понятно. Извини. Больше перебивать не буду. Продолжай, пожалуйста.

— Для тех, кто эту самую «чернилку» забывал или у кого вдруг в ней заканчивались чернила, в каждом классе имелись «дежурки». То есть «казённые чернильницы». Мы в них мух бросали, чтобы потом кляксы ставить. Знаешь, что такое клякса?

Внук удивлённо посмотрел на меня. Промолчал. Мол, дал слово!

— Про «страшные» уроки чистописания я уже рассказывал. Повторяться не стану.

Этак в классе пятом, у некоторых учеников стали появляться авторучки. И ходить с «чернилкой» уже считалось моветоном. Твой прадед купил мне такую. На барахолке, не новую, конечно, но пишущую. В неё надо было каждый вечер закачивать чернила и на все уроки следующего дня хватало. Наступила у меня не жизнь, а «малина». Даже, если чернила заканчивались, друг или сосед по парте, всегда на «промокашку» накапает капли три, а ты своей авторучкой втянешь, делов-то.

Внук открыл рот, но потом просто написал: - А что такое промокашка?

Я хотел было рассказать, но вместо этого рука уже вывела на том же листке ответ: «Погуглишь. Позже».

— Счастье, как известно, вечным не бывает. И в один не прекрасный день Антоха Сморчков притащил в класс невиданное. Маленькую прозрачную ручку, со стержнем внутри... А писала до тех пор, пока в этом «гвоздике» не заканчивалась паста.

Наша классная, не мешкая, выставила наглеца за дверь. С требованием впредь приносить в школу то, что дозволено, а не всякую заграничную гадость! Ибо с ней нет никакой возможности вывести «ни нажим, ни волосяную!» (Как будто бы советской авторучкой можно!)

Радостный Сморчок вылетел из класса, но вскорости вернулся, понурый и с запиской от нашего Завуча Михаила Фёдоровича. Которая гласила: «Прогресс в отдельном взятом классе остановить невозможно. Пусть отрок пишет, чем хочет, но только без ошибок!»

Прошёл месяц, в течение которого мы выпрашивали у Антохи волшебную ручку. Пописать. Не за так, конечно, а за почитать «Шерлока Холмса» до понедельника, за домашку по географии или ботанике. Да, мало ли за что.

Но однажды «Сморчковая» монополия всё-таки закончилась. Знакомый десятиклассник по секрету шепнул: «В «Детском мире» сегодня, в одиннадцать выбросят «шариковые». Очередь сумасшедшая! По записи и не больше двух штук в руки. Если прям «счас» рванёшь - успеешь.

И твой дед поступил плохо. Даже более чем. Но желание обладать заморским чудом победило. Я удрал с уроков. Выстоял пару часов. И, наконец, приобрёл её. Заветную.

— Это взрослым в одни руки две авторучки! А такой мальчишке, как ты, вообще не положено! Ладно. Так и быть, плати в кассу семьдесят копеек. За одну. И уходи. Пока я добрая. - Продавщица зыркнула так, что мой язык прирос к нёбу и, получив тридцать копеек сдачи, я быстренько испарился. Пока она не передумала. На последний урок, любимой истории, успел. Все сорок пять минут демонстрировал одноклассникам драгоценное приобретение.

Увы. Счастье оказалось недолгим. Не заметил, как паста закончилась. Запасных стержней в продаже никто из моих знакомых никогда не видел. И новые «шариковые» в магазинах города больше не выбрасывали.

Тимоха обратился в слух, внимательно рассматривая подставку с канцелярской мелочью, из которой торчали с десяток разного рода ручек. Наконец, не выдержал и спросил: «Дед, неужели выкинул, за ненадобностью?»

— На такое святотатство ни у кого из моих сверстников рука бы не поднялась. Дело в том, что паста заканчивалась не только у меня, но и ещё у ответственных работников. А посему в городе, в спешном порядке, организовали пункт заправки стержней. И выстояв как обычно длинную очередь и уплатив две копейки, можно было отдать в руки мастера стержень. Дальше происходило чудо. «Заправщик» тонкой проволокой выталкивал малюсенький шарик на тёмную копирку, затем из специальной ёмкости наливал в него чёрную или синюю пасту (уж какая, в тот день была) и, надев часовую лупу, вставлял шарик на место.

Ну а что случилось позже, тебе ведомо. Появились толстые многоцветные, маленькие карманные, подарочные с фирменным логотипом.

Тимофей Александрович согласно кивнул, а потом спросил: «А когда я напишу изложение, расскажешь, что такое копирка?»

Максимальное количество баллов – 30 баллов

ЗАДАНИЕ 2.

Вспомните, в каких произведениях русской и мировой литературы важную роль играет предметная деталь (зеркало, ручка, письмо и пр.). Назовите произведения и детали.

Максимальное количество баллов – 10 баллов.

ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ПО ЛИТЕРАТУРЕ 2020-2021 УЧ. ГОД

9 КЛАСС

Участникам олимпиады предлагается выполнить два задания: аналитическое – целостный анализ предложенного текста по вспомогательным вопросам (время выполнения 3,5 астрономических часа (210 мин.), максимальный балл – 70) и творческое задание (время выполнения – 1,5 астрономических часа (90 мин.), максимальный балл – 30). Внутри общего времени (5 астрономических часов (300 мин.)) ученик распределяет количество времени для работы над аналитическим и творческим заданием сам. Максимальный общий балл за работу – 100 баллов.

ЗАДАНИЕ 1. Напишите целостный анализ рассказа фантаста Сергея Лукьяненко «Купи кота». Вы можете опираться на вопросы или выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой связный, завершённый текст. Опорные вопросы:

1. Какую роль играет фантастическое в рассказе?
2. Какую роль в жизни героя-повествователя сыграли месяцы одиночества?
3. Какую роль играет речь героев в рассказе?
4. Как Вы понимаете название рассказа?

Максимальное количество баллов – 70.

КУПИ КОТА

Купи кота, – посоветовали ему.

– Почему кота? – спросил Максим. – Почему не собаку?

Он привык доверять советам бывалых людей, да и сам всегда старался подсказать сменщику. Порой один короткий совет стоит месяца подготовки и чтения инструкций.

– Собаку жалко. Собака привыкает к человеку, а кот – к месту. Ты все равно не потащишь животное обратно на Землю. Я много думал и понял, что тебе посоветовать. Купи кота.

Максим с любопытством посмотрел на человека, полгода проработавшего в полном одиночестве. Чего в нем было больше – неприязни к цивилизации или неудержимой тяги к приключениям? Максим не знал. Но сентиментальности на первый взгляд не наблюдалось.

– Мне доводилось бывать в одиночестве, – заметил Максим. – Я три месяца торчал на Луне. И еще настраивал станцию на Плутоне...

– Плутон – это близко, – поморщился его предшественник. – Совсем рядом. Купи кота.

Маятниковый или, как еще иногда говорят, резонансный звездолет не нуждается в пилотах. У него все равно нет двигателя. Он стартует-то всего один раз – после чего материя звездолета оказывается нелинейно распределенной по будущей трассе полета. Теоретически звездолет одновременно находится и в точке отправления, и в точке прибытия, и на всем векторе между ними, разнятся только вероятности.

В точке старта маятниковый звездолет появляется раз в полгода. Воздух над бетонным полем начинает дрожать, будто от жара, мутнеет, возникают решетчатые опоры, цилиндрические жилые отсеки и служебные помещения. Когда звездолет окончательно обретает реальность и тяжело приседает на амортизаторах, на космодроме ревет сирена. Откидывается трап, торопливо выходят немногочисленные пассажиры. Техники стыкуют к служебным отсекам бронированные кабели и трубы, вкатывают на грузовые пандусы контейнеры с пищей, баллоны с воздухом, почту и посылки, многочисленные грузы для единственной земной колонии. Взамен выгружают немногочисленные дары чужого мира – деревянные ящики, чье содержимое порой дешевле досок из инопланетного дерева, контейнеры с фруктами и овощами, чья судьба – оказаться на столе у миллионеров, тюки с разноцветными мехами и яркими перьями, небольшое количество редких металлов и драгоценных камней. Выгрузившихся пассажиров сажают в автобусы и увозят к зданию порта, а на их место уже спешат новые путешественники. Затем меняется экипаж – техники, стюарды, врач, штатный корабельный психолог и массовик-затейник.

Звездолет находится в точке старта тридцать семь с половиной минут. Как правило, персоналу хватает менее получаса. За пять минут до отправления люки задраивают, техники удаляются на безопасное расстояние. В воздухе целая симфония запахов – вонь солярки от мощных дизельных грузовиков, ..., острый озоновый дух и странный, ни на что в мире не похожий аромат: так пахнет сам звездолет, на полчаса воплотившийся в реальность. Наверное, такой запах стоял во Вселенной в первый день творения, когда возникло само пространство и время. Еще через пять минут звездолет становится прозрачным и исчезает.

У звезды Барнарда он появится почти через три месяца полета, на те же самые тридцать семь с половиной минут. И все повторится. Маятниковые звездолеты никого и никогда не ждут, их путь определен не расписанием, а законами физики.

Трехмесячное путешествие в замкнутом пространстве – нелегкий путь. В немногочисленных иллюминаторах видна лишь серая муть нереальности. Уединиться можно лишь в туалете, да и то

ненадолго. Для того и введены в экипаж психолог и массовик-затейник – чтобы будущие колонисты вытерпели...

Но в пути пассажиров ждет одно развлечение: точка равновесия. Где-то на полпути между Солнцем и звездой Барнарда дрейфует в межзвездной пустоте астероид – строительный мусор галактики. И корабль возникает у астероида. Совсем ненадолго, на три с половиной минуты, будто замерший на миг в нижней части траектории маятник. Каждые три месяца – на три с половиной минуты... Вначале на астероиде построили станцию, а уж потом год за годом пытались найти смысл ее существования. Смысла не оказалось. Астероид назвали Точкой Равновесия, аппаратуру перевели на автоматический режим работы. И вот уже четыре года, как на Точке Равновесия дежурит один единственный человек. Формально – ученый, фактически – техник, меняющий записанные диски на чистые и в меру сил исправляющий поломки. А если уж докапываться до самой сути, человек на станции – еще один шоумен, развлекающий путешественников, живая иллюстрация к фразе «плохо человеку, когда он один». За те три минуты, пока корабль не отправится в дальнейший путь, пассажиры должны проникнуться ужасом его одиночества.

Говорят, вторая половина пути всегда проходит легче. Люди становятся бережнее друг к другу.

Максим купил кота на Птичьем рынке. Почему-то казалось неправильным брать с собой на астероид породистого кота, будь то изнеженный перс, хитрый сиамец или надменный русский голубой. Их и на Земле ждала неплохая судьба.

За три месяца пути кот вырос, из умильного неуклюжего котеночка превратился в грациозного, но ужасного подростка, избалованного женщинами-колонистами и прекрасно освоившего псевдогравитацию в одну десятую земной.

Максим читал, лениво играл с котом – тот все-таки выделял его как хозяина, будто предчувствовал, что пожить вместе еще придется. Но в основном кот терся среди пассажиров и членов команды. Он получил два десятка имен – от Пушистика до Черной Дыры, только Максим упорно звал котенка Котом и никак иначе.

Так что за десять минут до выхода в реальность Максим стоял в шлюзовой камере – в скафандре, с большим герметичным контейнером для вещей и вторым, поменьше, внутри которого возмущался судьбой и хозяином кот по имени Кот. Темная каменная равнина. Ровная... но словно бы выпуклая, неуловимо вздувающаяся под ногами. Черное небо с мириадами звезд – таких цветных и ярких, какими они бывают лишь в мультиках и детских снах.

И станция.

Она напоминала парник: решетчатая половинка цилиндра, покоящаяся на бетонной плите. Сквозь толстые стекла сияли яркие лампы дневного света, позволяя увидеть маленький уютный домик – самый настоящий деревянный домик, крытый красной черепицей. Такие встретишь в ухоженных европейских деревнях и редко-редко – в подмосковных дачных поселках. Максим даже остановился на трапе, с удивлением взирая на сказочный сверкающий мирок. Он был таким уютным – островок света и тепла посреди бескрайней пустоты, что любой пассажир сейчас должен был бы взвыть от тоски. Какая тут “психотерапия”? Но когда навстречу, придерживаясь за леер, пробежал, даже не глянув на него, предшественник – все стало понятно. Вот чьи рассказы о полугодовом одиночестве через несколько часов примирят путников с оставшимися месяцами заточения.

И корабль стал исчезать.

– Вот мы и дома, Кот, – сказал Максим, хотя оборудовать переноску радиоприемником никто не озаботился. – Вот мы и дома.

Первый месяц Максим откровенно наслаждался жизнью. А лучше всего было вечерами, когда Максим давал подтверждение на отключение света – и лампы начинали медленно гаснуть. Он выходил в сад, садился за маленький столик, вокруг которого помидорные джунгли были слегка расчищены, и ждал, пока наступит темнота. Настоящая темнота. Только ослепительные звезды всех цветов – медленно плывущие вокруг. Астероид вращался, и Мисс Вселенная поворачивалась к Максиму то одним бочком, то другим, демонстрируя все свои красоты.

Кот по имени Кот обычно приходил после наступления темноты. Максим великодушно позволял Коту улечься на коленях, давал понюхать стакан – Кот недовольно морщился, но каждый раз нюхал снова. Это превратилось в ритуал, как и кусочек колбасы, выделяемый Максимом из своей закуска.

– Видишь Солнце? – спрашивал Максим, когда очередной оборот выносил в зенит яркую желтую звездочку.

Кот молчаливо признавал, что видит.

– Знаешь, чего я хочу, Кот? – спрашивал он Кота. И тот любопытным взглядом отвечал: “Говори, не томи!” – Я хочу поймать волну. Давным-давно ушедшую волну своей любви.

– Мяу, – сомневался Кот.

– Будешь говорить? – добродушно спросил его Максим.

– Буду, – усаживаясь на стол, ответил Кот. Глаза его блестели в слабом звездном свете.

– Я ничуть не страдаю, – сказал Максим, подумав. – Точнее – страдаю, но мне этого и хотелось. Конечно же, я не верну себе старую любовь. Но я исцелюсь и вернусь на Землю. Встречу ту, которая мне предназначена судьбой. И полюблю снова.

– Не глупи, – сказал Кот. – Только люди придумали такую глупость, как любовь.

Он изогнулся, лизнул брюхо и тихо добавил:

– Любовь... ха-ха-ха... Знаешь, почему мы, коты, обычно не разговариваем с вами?

– Почему? – заинтересовался Максим.

– Вам тоже нужна любовь, – фыркнул Кот. – Все эти сюсюканья: “кисонька”, “котик”, “пушистик”... Чтобы согрели своим теплом...

– Я сам грелся! – возмутился Кот. – Мы, коты, знаем, что любовь – это ужасная ловушка. И не важно, кого любить, милую киску или человека! Все равно любовь – рабство и страдание. А мы свободны и счастливы!

– Но ведь любовь – это еще и счастье, – сказал Максим. – Даже если она умирает! Человек, будто птица феникс, сгорает и перерождается в пламени любви. Каждая любовь – это целая жизнь, которую можно прожить!

– Чего стоит жизнь, начатая на пепелище и закончившаяся пожаром? – вопрошал Кот и подставлял брюхо. – Почеши мне живот.

Максим, глядя в кружащие звезды, почесывал мохнатое пузо.

– Вот видишь, – мстительно заметил Кот. – Ты меня любишь. И потому ты мой раб.

– Нет, – ответил Максим. – Я тебя люблю и потому – свободен.

Кот медленно полетел на землю, лениво извернулся в полете, мягко опустил на лапы.

Вначале он ждал обратный рейс корабля. Считал дни. Посмеиваясь, придумывал, как именно станет веселить пассажиров – дикими воплями и плясками у корабля, криками о скуке и одиночестве.

Потом вспомнил, что на обратном рейсе будет не так уж и много пассажиров – несколько правительственных эмиссаров, несколько командированных, несколько самых слабонервных колонистов, наотрез отказавшихся жить на чужой планете. И еще – его сменщик, кто-то из немногочисленных ученых колонии.

Потом Максим просто забыл о возвращающемся корабле.

Через четыре месяца ему надоело все. Звезды над астероидом стали такими же скучными, как книги на экране. И твердо стоял на своем: любовь – это ловушка для слабоумных. Все в мире оказалось пустым и ненастоящим. Нет ни любви, ни приключений, ни чуда.

Под этим самым светом, что коснулся сейчас его глаз, Максим поссорился с Ольгой. Раз и навсегда. Любви не существует. Есть только ловушка для глупцов.

Кот мурлыкал – тихо, уютно. Но он никогда не умел говорить, потому что был всего лишь котом – любившим поспать на хозяйских коленях, полакать молоко или поохотиться за мышами.

– Я не знаю, что сказать, – признался Кот. – Я не знаю, что такое любовь. Я всего лишь кот. Ты бы еще мышей попросил с собой поспорить Я кот, кот, понимаешь? Животное, не умеющее говорить! Ты даже решил героически задохнуться. А тебя на Земле ждет мама! И Она тоже ждет.

Обратно со второй Барнарда летело немного пассажиров. Молодой человек, отсидевший полугодовую вахту на Точке Равновесия, их приятно удивил. Хвастался проделанной научной работой и написанной за последние два месяца диссертацией, очень смешно рассказывал, как от одиночества разговаривал и даже ругался со своим котом. Похоже было, что время он провел с большим удовольствием – что даже удивительно для такого весельчака и жизнелюба.

– Купи кота, – сказал Максим своему сменщику.

Он был в отпуске и о делах старался не говорить. Но приехавший к нему голландский астрофизик через месяц улетал на Точку Равновесия.

Голландец записал. Он знал, что надо доверять советам бывалых людей.

ЗАДАНИЕ 2.

Какие произведения русской литературы, которые можно отнести к фантастике, вы знаете? Приведите примеры (автор, название произведения, коротко охарактеризуйте, почему это произведения фантастическое).

Что такое фантастика и почему она используется в литературе? Чем отличается научная фантастика и фэнтези?

Максимальное количество баллов – 30.

ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ 2020-2021 УЧ. ГОД

10 КЛАСС

Участникам олимпиады предлагается выполнить два задания: аналитическое – целостный анализ предложенного текста по вспомогательным вопросам (время выполнения 3,5 астрономических часа (210 мин.), максимальный балл – 70) и творческое задание (время выполнения – 1,5 астрономических часа (90 мин.), максимальный балл – 30). Внутри общего времени (5 астрономических часов (300 мин.)) ученик распределяет количество времени для работы над аналитическим и творческим заданием сам. Максимальный общий балл за работу – 100 баллов.

ЗАДАНИЕ 1. Напишите целостный анализ рассказа писателя Юрия Трифонова «Путешествие». Выполните целостный анализ произведения. Вы можете опираться на вопросы или выбрать собственный путь анализа. Работа должна представлять собой связный, завершённый текст. Максимальный балл - 70 баллов.

Опорные вопросы:

- 1. Какую роль в рассказе играет повествование от первого лица?**
- 2. Как Вы понимаете название рассказа?**
- 3. Что открыл для себя (или в себе) повествователь?**
- 4. Что такое повседневность и как она влияет на человека?**

Однажды в апреле я вдруг понял, что меня может спасти только одно: путешествие. Надо было уехать. Все равно куда, все равно как, самолетом, пароходом, на лошади, на самосвале - уехать немедленно. Почему мне стало так худо - это другая история, рассказывать ее долго и ни к чему. Просто вдруг на рассвете, когда меня томила бессонница и стеснение в груди, - врачи объясняли это вегетативным неврозом, но я-то знал, что дело в чем-то другом, может быть в том, что где-то бродит гроза, что волны теплого воздуха подошли уже к Подольску и движутся на Москву, - мне почудилось, что я задыхаюсь, что мой мозг обескровел, что если я не вырвусь завтра же из этой клетки из сухой штукатурки, обоев с абстрактным рисунком, лакированных книжных полок, переплетов, творожников, жидкого чая, газет, разговоров, звонков, квитанций, болезней, обид, надежд, усталости, милых лиц, - я умру.

Трудно объяснить, что делается с человеком на рассвете, в апреле, когда открытая рама слегка раскачивается от ветра и скребет по подоконнику сухой неотодранной бумажной полосой.

Пришел день. Он был сер. Лишь немного погода оказалось, что он синь и безоблачен. Первый раз в этом году я вышел без шапки на улицу и отправился в редакцию одной газеты, чтобы взять командировку и немедленно уехать.

Люди из этой газеты однажды предлагали мне командировку, но сейчас они не могли понять, чего я хочу. Заведующий промышленным отделом, маленький болезненный человечек в рубашке джерси, рассказывал о том, что в Соликамске и Кондопоге полным ходом разворачивается стройка громадных комбинатов по производству бумаги, а в Тюменской области открыты новые месторождения нефти. Еще более интересные дела творятся в Иркутской области, где создается новый промышленный бассейн. А если говорить о большой химии, сказал он, то нельзя не упомянуть о Навоинском химическом комбинате, где досрочно введены в строй корпуса аммиака, синтеза и конверсии.

Я сказал, что все это для меня одинаково необыкновенно интересно. Но именно поэтому мне трудно сделать выбор. Я намекнул, что мне хотелось бы познакомиться с какими-нибудь конфликтами, страстями, производственными драмами, в которых скрывались бы судьбы людей и разные точки зрения на жизнь.

- Это вы найдете где угодно, - быстро проговорил заведующий отделом. На его лице застыло странное двойное выражение: скорби и надменности одновременно. И, разговаривая со мной, он все время катал пальцами по столу заграничный шариковый карандаш.

Я поблагодарил его и вышел, сказав, что подумаю. Молодой человек, молча присутствовавший при нашем разговоре, вышел вместе со мной в коридор. Мы стали спускаться по лестнице.

- Вам нужны впечатления? - спросил молодой человек неожиданно.

- Ну конечно! - сказал я. - В том-то и дело, что мне нужны впечатления! Я остался совершенно без впечатлений. Это как-то глупо звучит, но это так.

Мне было немного стыдно: я как будто признавался в том, что оказался без денег, и просил в долг. Но молодой человек искренне хотел помочь, я это чувствовал.

- Если вам нужны впечатления, - сказал он, - тогда вовсе не обязательно ехать куда-то далеко, в Тюмень или в Иркутск. Поезжайте поближе, в Курск, в Липецк, там не менее интересно, чем в Сибири, ей-богу.

- Вы так думаете? - спросил я, втайне обрадовавшись. Он высказал мои собственные мысли. - Конечно, вы правы: дело не в километрах...

Когда я вышел на улицу, солнечный полдень был в разгаре. Перед входом в кинотеатр стояла толпа. Я прошел через толпу, повернул налево, миновал памятник, возле которого всегда стояло несколько провинциалов в длинных пальто с фотоаппаратами в руках, и пошел вниз по широкой улице. Навстречу мне двигался густой и медленный, весенний поток людей. Я всматривался в лица, бесконечно возникавшие передо мной и исчезающие сзади, за спиной, исчезающие бесследно, для того чтобы никогда больше не появиться в моей жизни, и думал: зачем ехать в Курск или в Липецк, когда я как следует не знаю Подмосковья. Я никогда не был в Наро-Фоминске. Не знаю, что такое Мытищи. Да и в самой Москве есть улицы и районы совершенно мне неведомые.

Через полчаса я вышел из троллейбуса возле своего дома. На углу Второй Песчаной, где находится диетический «Гастроном», я остановился и поглядел кругом: я увидел сквер с нагими деревьями, сырые ветви которых искрились на солнце. На скамейках, расставленных кольцом вокруг фонтана, сидели, подставив солнцу лица, десятка четыре пенсионеров, стариков и старух. Они сидели тесно, по пятеро на скамейке. Я не знал никого из них. Солнце ласкало их старую, в мешках и складках кожу. Некоторые из стариков улыбались, лица других казались окаменевшими, некоторые дремали.

Постояв немного, я направился к своему подъезду, сел в лифт и поехал на шестой этаж. Там, на шестом этаже, из квартиры напротив вышел Дашенькин, мой сосед. Он молча протянул мне свою руку, всегда немного дрожащую, и побежал вниз по лестнице. Он всегда торопился, ходил сутуля плечи, и в глазах его тлела какая-то безумная озабоченность. Он работал жестянщиком в трамвайном депо ...

Я открыл дверь своим ключом и вошел в квартиру. На кухне жарили навагу. Внизу, на пятом этаже, где жила какая-то громадная семья, человек десять, кто-то играл на рояле. В зеркале мелькнуло на мгновение серое, чужое лицо: я подумал о том, как я мало себя знаю.

Задание 2.

Вспомните известные вам произведения русской и мировой литературы, в которых герой отправляется в путешествие. Назовите автора и произведение, куда путешествует герой. Каковы функции путешествия в литературе?

Максимальный балл – 30 баллов.

ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ 2019-2020 УЧ. ГОД

11 КЛАСС

Участникам олимпиады предлагается выполнить два задания: аналитическое – целостный анализ предложенного текста по вспомогательным вопросам (время выполнения 3,5 астрономических часа (210 мин.), максимальный балл – 70) и творческое задание (время выполнения – 1,5 астрономических часа (90 мин.), максимальный балл – 30). Внутри общего времени (5 астрономических часов (300 мин.)) ученик распределяет количество времени для работы над аналитическим и творческим заданием сам. Максимальный общий балл за работу – 100 баллов.

ЗАДАНИЕ 1. Напишите целостный анализ рассказа Даниила Гранина «Дом на Фонтанке». Выполните целостный анализ произведения. Вы можете опираться на вопросы или выбрать свой путь анализа. Ваша работа должна представлять собой связный, завершённый текст.

Опорные вопросы:

- 1. Какую роль играет тема памяти в рассказе? Какой «путь» прошел герой-повествователь на протяжении рассказа? Почему он испытывает чувство вины, хотя не виноват?**
- 2. Как автору удается показать связь между повседневным и вечным?**
- 3. Как можно объяснить смысл названия рассказа?**
- 4. Сопоставьте этот рассказ с другими произведениями, в которых поднимается данная проблематика.**

Максимальный балл – 70 б.

Время от времени мне снился Вадим. Сон повторялся в течение многих лет, однообразный, явственный: я шел по Невскому и встречал Вадима. Он ахал: "Не может быть, неужели ты остался в живых?" Он недоверчиво радовался: "Значит, ты не погиб?" Слегка оправдываясь, я рассказывал про себя и почему-то стеснялся спросить его... После войны я долго еще не верил, что он погиб, во сне же все переворачивалось, он удивлялся, что я уцелел. Он оставался таким же тоненьким, бледным. Глаза смотрели чисто и твердо, он слегка заикался, чуть-чуть в начале фразы. Но теперь, поскольку я нашелся, мы снова будем вместе. Я любовался им, резким и прямодушным лицом его, я блаженствовал, молчал какую-то восторженную чушь. Вадим подшучивал надо мной, все, что он говорил, было точно, неопровержимо, я, как всегда, чувствовал его превосходство, завидовал и корил себя за эту зависть. Где он был все эти годы, я не мог понять, я знал лишь, что если начну допытываться, то будет нехорошо, что-то случится.

...Я просыпался и долго не мог понять, куда все подевалось. Где Вадим? Может быть, я не проснулся, а заснул? Сон был явственней, чем эта темная тишина, где спали моя жена, дочь, соседи, весь дом. Они смотрели сейчас свои сны, они были далеко и ничем не могли помочь. Я пребывал где-то в промежутке и не хотел возвращаться к себе, седеющему, контуженному, в жизнь, источенную застарелыми чужими заботами. Разрыв был слишком велик.

Однажды я сказал Вене про свои сны. Он серьезно посмотрел мне в лицо:

- Ты знаешь, мне тоже... Мне иногда кажется, что он жив.

Больше мы не говорили об этом. Из всей нашей компании после войны остались только мы с ним. Миша погиб, Борис умер в блокаду, Ира умерла от тифа, Люда умерла несколько лет назад, Инна уехала в Москву. Мы и не заметили, как остались с ним вдвоем.

Он пришел ко мне в воскресенье, часов в двенадцать. Просто шел мимо и зашел, без звонка, без причины.

- Пойдем погуляем, - предложил он.

Падал редкий снег, небо, низкое, серое, висело, как сырое белье. На улице мы поговорили с ним про Китай, про наши болезни, я довел его до остановки и вдруг сказал:

- Пойдем к Вадиму.

Он не удивился, только долго молчал, потом спросил:

- Зачем? Ты думаешь, Галине Осиповне это будет приятно?

Нет, я так не думал. Подошел его трамвай. Веня отвернулся:

- Чушь собачья. Теперь уже нельзя не поехать. Получается, что мы боимся.

Мы сели на другой номер, доехали до цирка и пошли по Фонтанке. Всю дорогу мы обсуждали гибель американских космонавтов. Шагов за сто до парадной Вадима я остановился:

- А что мы скажем?

- Скажем, что давно собирались, да все думали - неудобно.

- А теперь стало удобно? Находчивый ты парень. Лучше скажем, что вот случайно были поблизости.

Так мне казалось легче, может быть потому, что это была неправда. Обреченно мы переставляли ноги. Малодушные и страх томили нас. Сколько раз за эти годы мне случалось миновать этот серый гранитный дом. Я убыстрял шаг, отводил глаза, словно кто-то наблюдал за мной. Постепенно я привыкал. Почти машинально, лишь бы отделаться, я отмечал - вот дом Вадима. Все остальное спрессовалось в его имени, и чувства тоже спрессовались. В самом деле, почему мы не заходили к его матери, самые близкие друзья его? Впрочем, заходили. Я заходил, но я не хотел об этом рассказывать Вене. Он повернул бы обратно. Это было слишком тяжело. Мы вошли в парадную. Тут на лавочке обычно сидела Фрося. Когда мы были школьниками, она уже была старой. Она нянчила Вадима, вела их дом. В январе сорок второго года я пришел сюда с банкой стуженки и мороженым ломтем хлеба. Фрося сидела на этой лавочке, с противогазом. Я бросился целовать ее. Она заплакала и повела меня к Галине Осиповне. И после войны, когда я зашел, она сидела на этой лавочке, в черном ватнике, такая же прямая, в железных очках, седые волосы коротко острижены. А потом я перестал ходить по этой стороне Фонтанки, я делал крюк, чтобы не встречаться с Фросей. Но и это, оказывается, было давно.

В просторной парадной сохранился камин, висело зеркало. Мы посмотрелись в него и поднялись на второй этаж. Я хотел позвонить, но Веня заспорил, показал на квартиру напротив. Я удивился: неужели он мог забыть? И он поразился тому, что я не помню. Нам и в голову не приходило, что мы когда-либо можем забыть двери его квартиры.

Послышались шаги. Щелкнул замок, дверь открыл румяный парень лет двадцати. Мне пришлось спросить:

- Простите, Пушкаревы здесь живут?

Сама по себе фраза прозвучала для меня дико. Я вдруг сообразил, что прошло двадцать, нет, уже больше двадцати лет. Целая жизнь прошла. Вся жизнь этого парня. Какие Пушкаревы, он скажет, что за Пушкаревы?

- Вам кого, Нину Ивановну?

- Нет, Галину Осиповну.

Парень странно посмотрел на нас.

- Заходите, - и подошел к двери направо, постучал. - Нина Ивановна, к вам пришли.

Большая передняя медленно проступала в памяти - налево кабинет отца Вадима, Ильи Ивановича, полутемный, окнами во двор, с низким кожаным диваном, на котором мы листали огромную Библию с рисунками Доре. Там стояли шведские шкафы с книгами - механика, сопромат, мосты. Налево - столовая... Оттуда вышла маленькая старушка с желто-седыми стриженными волосами. Она вопросительно смотрела на нас. И парень стоял тут, любопытно ожидая.

- Мы товарищи Вадима, - произнес Веня.

Она слегка отшатнулась, прищурилась.

- Веня, - нерешительно сказала она, взяла его за руку, и он просиял.

- А вы... - и она назвала меня так, как меня звали только в этом доме. А мы не помнили ее. Вернее, я медленно начал вспоминать тетку Вадима, шумную, веселую, с высокими вьющимися волосами. Кажется, вешалка в передней была та же. И я повесил свое пальто, как всегда, на крайний крючок.

Мы вошли в столовую. Она удивила сумрачностью и теснотой. В ней до сих пор держался дух блокадной зимы. Громоздилась старая мебель из других комнат, та, что не стопили и не проели. С закопченного потолка свешивался грязный шелковый абажур. На облупленных подоконниках выстроилась посуда из-под лекарств, банки, молочные бутылки. Потом я узнал буфет. Он стоял во всю стену, с колонками, пыльными сверху, украшенными медными колечками. Наверху, на буфете, блестела керосиновая лампа. В углу поднималась железная печка. Сели за стол, мы с Веней рядом, Нина Ивановна напротив, они о чем-то заговорили, я смотрел на керосиновую лампу, пытаюсь понять, зачем она. Давно я не видел керосиновых ламп, может быть, это была единственная керосиновая лампа во всем городе.

- Веня, у вас глаза посинели. А были голубые. Ярко-голубые. Ну и лоб стал больше.

Я покосился на Веню. Он был лысый, глаза его выпцвели, но я вспомнил, какие они были небесно-голубые и как он нравился девчонкам. Он был самым добрым из нас и самым доверчивым. Он свято верил всему, что говорили, печатали, учили. Даже неинтересно было разыгрывать его.

- Галина Осиповна умерла, тринадцать лет назад...

- ...Нет, она не болела. Просто жить не хотела. Когда умер Илья Иванович, все для нее сошлось на Вадиме. Она не могла представить, что он не вернется... Она ведь долго еще ждала, вы знаете, она все надеялась...

Странно, что из всех погибших ребят я не верил только в смерть Вадима. И Веня не мог согласиться с тем, что его нет. Все остальные сразу становились мертвыми, а Вадим до сих пор...

Тринадцать лет... Я и понятия не имел. Выходит, она умерла через несколько лет после того, как я перестал заходить. Не обязательно было связывать эти события. По-видимому, я тогда уверял себя, что жестоко заставлять ее сравнивать, берeditь раны. Я ничем не мог помочь ей, - для чего ж было приходить?.. Нужно ли навещать жен и матерей наших погибших товарищей - вот вопрос... Всегда чувствуешь себя виноватым. А в чем? Что остался жив? Виноват, что здоров, что смеюсь. Галина Осиповна, конечно, не понимала, почему мальчишки не приходят, что же случилось. А случилось то... Впрочем, ничего не случилось, все обстояло весьма благополучно, в том-то и дело...

- Можно, Нина Ивановна, посмотреть комнату Вадима? - попросил я.

Книжных полок там не было. Высокие книжные полки, где стояло Собрание сочинений Джека Лондона в коричневых обложках, приложение к журналу "Всемирный следопыт", комплекты "Мира приключений", которые мы зачитывали и загоняли букинистам. Сохранился лишь его письменный стол. Тут мы готовились к экзаменам. Вернее, Вадим помогал мне готовиться. В школе он мне помогал, и когда я поступал в институт - он тоже помогал. С какой легкостью он решал любые мои сложные задачки. Он любил и выискивал головоломность. Он решал их вслух, волнуясь, заикаясь, и все становилось изящно, просто. Дверь на балкон раскрывалась, ветер с набережной выдувал занавеску. "Когда ты научишься логически мыслить?" - горячился Вадим.

До сих пор не очень-то объяснишь, чем привлекал нас дом Вадима - интеллигентностью? добротой? еретичностью? Мы росли в коммунальных квартирах, в очередях, среди шума примусов; главным достоинством считалось наше соцпроисхождение, а в те годы для нас слово "интеллигент" звучало укором, примерно так же, как "белоручка", "спец", "мещанин", "бывший", - в общем, нечто подозрительное. И тем не менее нас тянуло в этот дом - весело-безалаберный, благородный, тут мы все были равны и пользовались теми же правами, что и Вадим.

И стояла фотография Вадима: остролицый, остроносый, задиристый, в галстучке, уже студент. Узенький галстук, такой, как носят нынче, а пиджак с широкими плечами, обидно старомодный. Внезапно я отчетливо представил эту фотографию напечатанной в журнале рядом со студенческими фотографиями Иоффе, Жолио-Кюри, Курчатова. Погиб великий физик, и никто не знал об этом.

Карточка его имела ценность лишь для Нины Ивановны и для нас двоих. Так же, как его шаткий, исцарапанный стол с мраморной чернильницей. Старые вещи всем посторонним кажутся рухлядью. Это было единственное уцелевшее место, где сохранилась наша юность. В столовой висел большой портрет Галины Осиповны с маленьким Вадимом в коротких штанишках. Типичный маменькин сынок. Мы без жалости дразнили его, пока портрет куда-то не убрали. Мы дразнили его за вежливое обращение со всеми девочками; за то, что он не умел соврать, не желал писать ругательства на стенах. Но все прощалось ему за храбрость. В той большой драке с соседней школой... их было больше, мы отступили во двор, потом побежали кто куда, один Вадим остался, он не умел убежать. Он дрался в одиночку, пока его не повалили. Это и храбростью именовать нельзя, такой у него был характер. Бедный, заикающийся рыцарь в наилегчайшем весе...

Двадцать девятого июня. Спустя неделю после начала войны. Мы собрались последний раз. Я уходил в ополчение, Вадим тоже уходил в свою морскую пехоту. Веня ушел позже. То, что этот вечер последний, мы и думать не желали. Будущее было тревожным, но обязательно счастливым, победным, в маршах духовых оркестров, в подвигах, в орденах. Будущего тогда было много, о нем не стоило заботиться. Боря барабанил на рояле фоке, сделанный под Баха. Мы с Вадимом были в гимнастерках, обмотках и отчаянно гордились. О войне говорили мало, мы не знали, какая она. Ошеломленность и недоумение первых дней миновали. Возникло оскорбленное сознание нашей правоты, - может быть, впервые в короткой нашей жизни у нас было такое ясное, бесспорное чувство правоты. Кто-то читал стихи. Ира заканчивала филфак, и все принялись обсуждать, что такое литературоведение - наука или искусство. Хорошо, уточним, что такое наука?

- "Наука - это то, что можно опровергнуть", - сказал Вадим.

Он умел поворачивать привычное неожиданной стороной. Раз нельзя опровергнуть, следовательно, это уже перестает развиваться, перестает быть наукой. Посреди нашего спора Галина Осиповна молча вышла. Вадим пошел за ней. И только тут тревожное предчувствие коснулось нас. Наверное, взрослым невыносима была наша беззаботность.

Погасили свет, открыли окно. Вода в Фонтанке отражала белое небо, свет без теней, слепые окна Шереметьевского дворца, мы стояли, обнявшись, ушастые, стриженные под бокс, чуть хмельные; жаль, что я себя не помню, себя никогда не представляешь, зато я помню пушок на щеках Вадима – он только начал бриться, позднее нас всех. Он вернулся и стал рядом со мной. До чего ж мы ни черта не понимали!.. Но я не испытывал сейчас никакого превосходства перед теми ребятами, перед тем собой. Скорее я завидовал им. То, во что мы верили, было прекрасно, и еще больше то, как мы верили.

- А как ваши успехи, Веня? - спросила Нина Ивановна. Откуда-то издали доносился его послушный голос, и я тоже издали увидел его жизнь.

Конечно, повезло, что он, провоевав всю войну, остался жив, но отсюда, из этой квартиры, судьба его никак не совмещалась с тем голубоглазым мечтательным Веней. Казалось, что останься Вадим жить, все сложилось бы иначе, была бы настоящая математика, а не чтение годами того же курса в техникуме. Может, и мне Вадим не позволил бы уйти из аспирантуры, не то что не позволил, а я сам не ушел бы. Во времена Вадима я соглашался, что самое великое событие - это открытие нейтрона. Вадинова физика влекла меня больше, чем мои гидростанции.

Но вся штука в том, что он и не мог уцелеть. Такие, как он, не годились для отступления. Начало войны, ее первые горькие месяцы, эта бомбежка под Таниной горой, с рассвета нескончаемые заходы самолетов в пустом июльском небе, когда мы, обмирая от потного страха, вжимались в стенки окопов, а потом пошли танки, и мы стреляли и стреляли по ним из винтовок, а танки неудержимо напозлазили, справа через фруктовый сад, ломая белые яблони, и слева по зеленому овсу. Не выдержав, мы выскочили из окопов и побежали. Мы бежали от танков, друг от друга, от самих себя. Задыхаясь, я перепрыгивал плетни, канавы, падал и снова бежал, пока не свалился, ломая кусты, в пробитый солнцем ивняк. Пальцы вцепились в землю, она судорожно вздрагивала от бомб, отталкивая, не в силах защитить меня. В этом гибнущем, распадающемся мире память моя ухватилась за Вадима - он не мог, не способен был так бежать, спасаться, он остался бы в окопах. Я лежал и плакал от стыда. До самой осени, пока мы отходили, эти минуты возникали передо мной, как заклинания. Что-то произошло со мной. Прошлое меня влекло больше, чем будущее.

Мы допили чай, встали. Нина Ивановна растерялась, она не удерживала нас.

- Вы простите, нам пора, - хрипло произнес Веня.

- Ну что вы, мальчики, я была рада. - Нина Ивановна церемонно наклонила голову. - Кто бы мог подумать...

Я смотрел вниз на давно не чищенный, почерневший паркет, словно разыскивая что-то. Рука Нины Ивановны вдруг легла на мою руку, пальцы ее дрожали. Мне захотелось наклониться и поцеловать ей руку, но я не умел, то есть вообще-то я умел, но сейчас я был из того времени, когда никто из нас не умел, не хотел уметь, слишком это было старомодно и смешно - целовать руки.

Невский оглушил шумом воскресного многолюдья. Стучали каблучки, неслись машины, звуки сталкивались, разбегались, тревожные, как будто кого-то догоняли, кого-то искали. Глаза девушек из-под капюшонов быстро обегали нас и устремлялись дальше. Каждая из них напоминала мне Иру, Люду, Катю. И парни с поднятыми воротниками коротких пальто, высокие, нежнокожие, только начинающие бриться. Где-то среди них должен был идти Вадим. Я вдруг подумал - будет ли он теперь снится, увижу ли я его еще?

- Растревожили, разворошили, - сказал Веня. - И им тяжело, и нам. Странно, чего нас потянуло?

- Жалеешь?

- Нет, - сказал он. - Когда-нибудь же мы должны были прийти.

В том-то и дело, подумал я, рано или поздно мы должны были вернуться в этот дом. Не ради Вадима, ради себя. Вот опять этот дом на Фонтанке появился в нашей жизни, он уже не тот, мы не те, но все равно... Что-то, значит, оставалось все эти годы, нам-то казалось, что уже ничего нет, мы вроде и не нуждались, какого ж черта!.. Словно кто-то позвал нас, словно те годы - они продолжали существовать. Запах паленого абажура, обмотки, Фауст, книги, дом честных правил...

- А что, если и к нам когда-нибудь пожалуют? - сказал я.

- Ко мне? Сомневаюсь. Не тот дом. Ты считаешь, кому-нибудь понадобится?.. - Он покачал головой. - Пожалуйста, пусть приходят. В конце концов, мы честно воевали.

"И кроме того... - подумалось мне, - и кроме того..." - но что кроме того, никак было не вспомнить, никак было не пробиться сквозь ржавчину времени. Веня взглянул на часы, его ждали с обедом. Мы распрощались. Я пошел один. Эти парни и девушки посматривали на меня, наверное, что-то произошло с

моим лицом, может быть, я был слишком далеко, но мне было наплевать, мне было сейчас не до них, я думал про Вадима и все не мог понять, приснится ли он мне теперь.

1967

ЗАДАНИЕ 2.

Какие произведения русской литературы связаны с Петербургом-Петроградом-Ленинградом-Петербургом? Назовите авторов, произведения, примерное время написания.

Как менялся образ этого города в литературе? Какие сюжеты связаны с образом этого города?

Максимальный балл – 30 баллов.